

Владимир Возняк

Максимилиан Волошин. Образование. Культура

Как известно, поэтический язык обладает потрясающей точностью. Там, где учёный муж нанизывает слова-термины, формируя цепочки высказываний, дефиниций, суетясь вокруг да около предмета и наивно полагая, что его движение совершается в самой сути дела, поэт одной фразой, образом, метафорой схватывает самое существенное.

Более десяти лет тому назад я наткнулся на такие слова Максимилиана Волошина:

«Из всех насилий,

Творимых человеком над людьми,

Убийство – наименьшее,

Тягчайшее же – воспитание»¹².

Это моментально запало мне в душу: я ведь и *сам* так думал. Сие должен был сказать я, а не он. Не правда ли, одним из признаков настоящей поэзии можно назвать: «это должен был вымолвить я»? Но не сказалось, а ежели и где-то смутно брезжило, то никак не находило себе слов. Истинный поэт почему-то всегда *говорит о тебе*, о чём-то главном в тебе. Он исполняет в словах правду о тебе – даже когда говорит *сузубо о себе*...

Современная аналитическая философия напрочь отвергает метафоричность философского языка. Например, фраза Гегеля – «сущность есть истина бытия» с позиций такой философской школы выглядит бессмыслицей, равно как и слова Мартина Хайдеггера: «язык – дом бытия». Интересно, как бы аналитические философы расценили слова моего учителя Валерия Босенко: «сущность развития – в развитии сущности». Игра слов, не более. Возможно – игра. Но за этой «игрой» чуткое ухо услышит несравнимо больше, чем во всех дефинициях того, что есть «развитие», в словарях, энциклопедиях, академических многотомных изданиях.

¹² Волошин М. Собрание сочинений. Т.2. Стихотворения и поэмы 1891-1931 / Сост. и подгот. текста В. П. Купченко, А. В. Лаврова. – М. : Эллис Лак, 2000, 2004. – С. 53.

Видимо, философия в чём-то очень существенном ближе к поэзии, чем к науке (о чем писал М. Хайдеггер); она, как и поэзия, *даёт бытию сказаться*, предоставляет слово самому бытию, ничего не добавляя от себя (а когда я что-либо добавляю от себя, я мыслю плохо, – говорил Георг Вильгельм Фридрих Гегель).

Однако вернёмся к вышеприведённым словам поэта. С точки зрения трезвого здравого смысла можно было бы возразить: выходит, что автор каким-то образом оправдывает убийство как наименьшее из насилий над людьми? Не это говорит М.А. Волошин. Воспитание – вот *тягчайшее насилие* над людьми. Тягчайшее в той ситуации, когда воспитание понимается и осуществляется как систематическое принуждение, *воздействие на живого человека*, когда живая личность представлена лишь в виде некоего *объекта* приложения педагогических усилий, когда под воспитанием понимают *адаптацию* индивида к требованиям общества и тем самым систематически **отучают видеть** в обществе (то бишь в тех отношениях между индивидами, в которых они *обращаются* друг к другу и тем самым – к себе) **свой собственный дом**, свою сущность, свою природу.

Здесь перед нами острое противоречие. Человека нельзя не воспитывать, поскольку все человеческие определения, формы и способы специфически человеческой жизнедеятельности индивид не несёт в себе от природы, генетически – они заданы культурно-исторически; их надо присвоить, распредметить. В то же время человека нельзя воспитывать, поскольку мы при этом редуцируем его самость до рядового объекта среди прочих объектов, до простой вещи среди вещей.

Выход, по-моему, один: воспитание по своей природе есть не *эмпирический*, а *трансцендентальный* процесс. Оно по своей природе предстаёт как *питание духом* – но свободное, непринуждённое.

Хочется привести весьма длинную цитату из М. Хайдеггера, где, на мой взгляд, совершенно верно расставлены смысловые акценты: «“Подожди, я научу тебя тому, что называется слушаться” – кричит мать вслед своему мальчишке, который не хочет идти домой. Обещает ли мать дать своему сыну дефиницию послушности? Нет. Но, может быть, она задает ему урок? Тоже нет, в том случае, если она правильная мать. Скорее она привьет своему сыну послушание. Или, еще лучше наоборот: она введет сына в послушание. И успех будет тем прочнее, чем реже она будет браниться. Это удастся тем проще, чем непосредственней будет мать приводить сына к послушанию. И не таким лишь образом, что он на это согласится нехотя, а так, что он уже не сможет отказаться от желания слушать. Почему нет? Потому что он стал слышащим то, чему послушно его

существо, чему принадлежит (gehört) его существо»³. – Обратим внимание:

М. Хайдеггеру самому почему-то не понравилось словечко «*прививать*», столь расхожее в нашей педагогической мысли (=недомыслии). И он тут же поправляет себя и говорит – «еще лучше наоборот»: не прививать, а *вводить сына в послушание* и так вводить, дабы это **принадлежало его существу**.

При таком раскладе воспитание – не воздействие на некий «объект», а *питание духом*. А еще точнее: создание *такой ситуации*, такого *пространства общения* (как захватывающего, бесконечно интересного общего дела, в котором нельзя не участвовать, нельзя не со-трудничать), внутри которого произрастание человеческого в человеке *возможно*.

«Смысл воспитания:

Самозащита взрослых от детей.

Поэтому за рангом палачей

Идёт учёный комитет

Компрачиков,

Искусных в производстве

Обеззараженных

Кастрированных граждан»⁴.

Сказано предельно сильно. Отчего же взрослые защищают себя от детей, почему они вынуждены это делать? Не потому ли, что «*Ребёнок – непризнанный гений / Среди буднично-серых людей*»⁵? Мы, взрослые, стали буднично-серыми не от хорошей жизни, и в эту «нехорошую жизнь» нам предстоит ввести наших детей через воспитание как *самозащиту* от детской непризнанной гениальности, непосредственности и удивлённости взгляда. В детях присутствует какая-то *высшая правда* универсального бытия, истина (она же – добро и красота) нашей жизни. Такое ощущение, что в детстве мы *знали всё*, а затем благополучно забыли, и всю свою буднично-взрослую жизнь мучительно пытаемся *вспоминать* то, что мы тогда знали – о мире и о себе (прав был Платон со своей теорией «воспоминаний»!).

Когда взрослый впадает в детство, это называется ребячеством («что старое, что малое...»). Совсем иное дело: сохранить в себе *детское состояние души*, свежесть

³ Хайдеггер М. Что зовётся мышлением / М. Хайдеггер ; [пер.с нем. Э. Сагетдинов]. – М.: Академический Проект, 2007. – (Философские технологии). – С. 69.

⁴ Волошин М. Собрание сочинений. Т.2. Стихотворения и поэмы 1891-1931 / Сост. и подгот. текста В. П. Купченко, А. В. Лаврова. – М.: Эллис Лак, 2000, 2004. – С. 53.

⁵ Волошин М. Собрание сочинений Т.1. Стихотворения и поэмы 1899-1926 / Сост. и подгот. текста В. П. Купченко, А. В. Лаврова. – М.: Эллис Лак, 2000, 2003. – С. 46.

детского взгляда и незахватанность суждений, хранить в себе высокую мудрость ребёнка. – Максимилиану Александровичу это было свойственно.

И насчёт «учёного комитета компрачиков» – всё правильно. А чем же ещё занимаются наши славные чиновники от образования? «Болонизация» (вернее: болванизация) образования, модульно-рейтинговые системы и проч. «инновации» – реально *портят* образовательное пространство. Но, видать, кому-то это нужно, кого-то весьма устраивают «обеззараженные, кастрированные» граждане, не претендующие даже на намёк о *мысли* как таковой.

Резкость суждений поэта – понятна. Жил бы он в наше время, – какими бы словами выразил все то непотребное, что происходит у нас в образовании? Несложно догадаться...

Когда Максимилиан Александрович учился, гимназии представляли собой весьма серьёзные учебные заведения. И все же Волошин замечает в своей автобиографии насчёт лет, проведённых в далеко не лучшей (то есть – казённой) Московской гимназии: «Это – самые тёмные и стеснённые годы жизни, исполненные тоски и бессильного протеста против неудобоваримых и ненужных знаний»⁶. А о феоdosийской гимназии пишет так: она «буквально убивает всё человеческое, она <...> приучает к лени, приучает бессмысленно исполнять никому и никогда и ни для чего ненужную работу . <...> Право, одна гимназия виновата, что наша молодёжь так бесцельна и так мало интересуется окружающим»⁷. Идиотизм гимназически-школьной жизни описан достаточно точно. Далеко ли мы ушли от такого?

Ни одной новой проблемы нынешняя система образования по сравнению с тем, о чём пишет М.А. Волошин, не породила. Она лишь предельно *обострила* старые.

Для себя Максимилиан Александрович находит принципиально иной способ образования (как *образовывания*): личностная *встреча* с культурой. На занятиях по греческому языку переводит Платона. В Москве, Санкт-Петербурге, за рубежом – встречи (учение, общение) с живыми личностями, с произведениями искусства. Свой дом в Коктебеле превращает в *живое пространство культуры*, где людям дышится свободно и легко, где они живут, а не проживают, и где культура живёт **бесконечными нитями обращений людей друг к другу и тем самым питает** каждую клеточку их души и духа. Волошинский «обормотник» – вот модель настоящего учения. Здесь

⁶ Цит. по: Пинаев С. М. Максимилиан Волошин, или Себя забывший бог / С. М. Пинаев. – М. : Молодая гвардия, 2005. – (Жизнь замечат. людей: Сер. Биогр.; Вып. 917). – С. 22.

⁷ Цит. по: там же. – С. 43.

культура предстает воистину «третьим» субъектом внутри субъектно-субъектных отношений личностей.

А в обычных образовательных учреждениях усилиями многочисленных «учёных комитетов», «кулинаров от дидактики» (Ф.Т. Михайлов) содержание культуры многократно редуцируется, «адаптируется» – вплоть до качества «материала», который надо пройти... И всё становится неудобоваримым и ненужным (разве что для получения «отметки»). А посему и убивается всё человеческое...

Вот о культуре как таковой хочется поговорить особо. Согласно концепции киевского философа Алексея Босенко человеческая история протяжена в пространстве и во времени, она необходима и детерминирована. Культура же именно как культура лишена протяженности и детерминации, существуя вне пространства и вне времени как чистое становление, единство бытия и ничто⁸ [см.: 5]. В таком случае культура выступает способом *непосредственного синтеза опыта* рода «человек» в человеческую самость, способом завершения субстанциального содержания человеческой истории в живом переживании, в живой способности. Отношение к человеческому миру как к собственно *культуре* означает снятие рассудочной структурированности и каузальности, пространственно-временной дискретности. Каждый исторический феномен как творение человеческого духа предстает тогда не как объект усвоения, накопления, насыщения (и пресыщения), оценки и использования, существующий «там» и «тогда», а выступает зеркалом моей собственной сущности, моим собственным основанием; он синтезирует во мне человеческое, вечное и абсолютное (значит, и сверхчеловеческое); он выступает формой выражения и осуществления моего «здесь-теперь» переживания; он продолжает себя и пресуществляет себя в моей деятельности, но в такой, которая является имманентно *свободной и бескорыстной*. Культура как культура раскрывается и живет в деятельности, лишенной внешней целесообразности. Культура, как утверждает К.А. Свасьян, есть «человек, взятый во всем потенциале осмысленных свершений; она – культ (точнее – культивация) человеческого бытия, мучительная и долгосрочная возгонка этого бытия от данности материала до ослепительной художественной формы»⁹ [11, с. 228]. – Вот почему *отношение к миру как к культуре* совпадает с *нравственным* отношением. Михаил Пришвин как-то заметил: «Цивилизация и культура, взятые внутрь

⁸ Босенко А.В. Реквием по нерождённой красоте. – К. : Ред. журнала «Самватас», 1992. – 256 с.

⁹ Свасьян К.А. Философия символических форм Э. Кассирера: Критический очерк. – Ереван: Изд-во АН Арм.ССР, 1989. – С. 228.

творческой личности, означают следующее: культура – это связь между людьми в их творчестве, цивилизация – это сила вещей»¹⁰.

Для обоснования тезиса о культуре как порождающем человеческое в человеке основании следует обратиться к идейному наследию выдающегося российского философа Феликса Трофимовича Михайлова (1930-2006), творчество которого малоизвестно в современной Украине и не стало предметом ни тщательного изучения, ни серьезного переосмысления и вовлечения в исследовательский философский и культурологический контекст. Ф.Т. Михайлов никогда не был сторонником жесткой демаркации между философией, психологией и культурологией, не искал пресловутых «междисциплинарных подходов», а мыслил чисто по-философски, глубоко, рефлексивно. Последняя прижизненная книга мыслителя – «Самоопределение культуры. Философский поиск» (М., 2003). В предыдущие годы он издает работу «Культурология как основа общего человековедения», – тут само название очерчивает специфику авторского подхода.

Для понимания культуры как порождающего основания принципиальное значение имеет михайловская концепция «обращений». Философ разделяет тезис К. Маркса о сущности человека как ансамбле общественных отношений, однако при этом различает социальное и общественное, считая первое превращённой формой собственно общественного. Общественное как таковое автор выводит из общения, а его радикально углубляет до обращения как субъективно мотивированного эмоционально насыщенного отношения изнутри субъективности человеческого индивида к субъективности других, и тем самым – к себе. Именно здесь надо искать онтологию культуры. Культура является «исторически всеобщей категорией бытия – бытия человеческого»¹¹ [8, с. 258]. Дело в том, что «своим происхождением, расселением, выживанием и развитием люди обязаны постоянному поиску со-мыслия и со-чувствия в общем деле преобразования условий и средств жизни (только потому, кстати сказать, и целесообразного, осознаваемого преобразования)<...>»¹² [8, с. 259-260].

Культура есть то, что порождает и сохраняет человека. А «порождающим и сохраняющим человека отношением было, есть и навсегда останется отношение к субъективности других людей, ищущее со-чувствия, со-мыслия (со-знания) и со-гласия в со-действии с ними, формирующее мотивацию их поведения, способное обеспечить расширенное воспроизводство средств к жизни и главных его условий:

¹⁰ Пришвин М. М. Записи о творчестве // Контекст. 1978. Литературно-теоретические исследования. – М.: Наука, 1978. – С. 283.

¹¹ Михайлов Ф. Т. Культурология как основание общего человековедения // Михайлов Ф.Т. Избранное. – М.: Индрик, 2001. – С.258.

¹² Там же. С. 259-260.

самоорганизующейся общности людей, креативной и когнитивной духовной и духовно-практической его продуктивности»¹³ [9, с. 500].

Ф.Т. Михайлов понимает *обращение* и как механизм порождения культуры, и как механизм ее развития, и как механизм ее *освоения* в онтогенезе. Все универсалии культуры так или иначе ориентированы на внутренний, субъективный мир человека, который понимается как «я», расширенное в культурно-исторической перспективе. Все формы культуры приобретают свою действительность только в актах живого обращения людей друг к другу (и тем самым – в самом себе). При этом они (формы культуры) самим становятся средствами осмысленного, эмоционально-насыщенного и выразительного обращения, которое всегда адресно и предполагает отзыв и ответ. При этом утверждается и аргументируется принципиальная тождественность интер- и интрасубъективности культуры людей, тождественность всегда индивидуальных и всегда надиндивидуальных сил их общей истории.

Российский философ так определяет культуру; «*культура* есть не что иное, как предпосылка, процесс и результат творения людьми жизненно необходимых им *обращений* друг к другу и к себе самим. Но тем самым она – творение и сотворённость *представлений, переживаний, аффектов, воли и мыслей* и всех иных субъективных мотивов жизнедеятельности человека, ставших предметом осмысленного переживания и *для них самих* в своей адресованной другим (и себе) *овнешнённости*»¹⁴ [7, с. 266]. А вот это же определение по-иному: «<...> **культура** – не что иное, как процесс постоянного творения внешней обращённости беспокойной души человеческой к субъективности других людей, столь же настойчиво ищущих сочувствия в осмысленном освоении своего трагически одинокого и всегда общественного (лишь в общении, через обращение к другим возможного) бытия»¹⁵ [7, с. 266].

В поисках постулатов фундаментальной теории культуры российский мыслитель, реализуя принцип любой фундаментальной теории, утверждает, что важно, чтобы *не мы* определяли и объясняли культуру. Намного важнее, чтобы мы проследили за тем, как *она сама* (то есть люди, которые ею жили и живут) определяла и определяет себя. «Самоопределение – это сила и суть Бытия. Самоопределение культуры людей – это ее сила и суть. Это её Начало, заложившее силу и суть её самотворения и саморазвития, осуществляемых не чем иным, как самотворением и реализацией духовных и практических сил каждого её субъекта, ею же и *определённого*. А субъекты её

¹³ Михайлов Ф. Т. Философия образования: ее возможности и перспективы // Михайлов Ф.Т. Избранное. – М.: Индрик, 2001. – С. 500.

¹⁴ Михайлов Ф.Т. Самоопределение культуры. Философский поиск. – М. : Индрик, 2003. – С. 266.

¹⁵ Там же.

самотворения – это мы, каждый из нас»¹⁶ [7, с. 268]. **Быть человеком** каждого из нас определила культура, именно в силу этого мы и способны собой определять культуру. Определение человека культурой возможно лишь через его, человека, *личностное самоопределение*.

Подобный подход, как мне видится, является классикой высокой *диалектики*. Одно дело, когда мы сами даём определение чему-либо, «дефинируем», прикладывая определенные мерки или подводя под них. И совсем иное – когда нечто *само себя определяет*, полагает, реализует, осуществляет. Тут «определение» (само-определение) берется не просто как логическая, а *онтологическая* категория. Посему адекватное понятийное определение чего-либо возможно лишь как воспроизведение того, как это «нечто» само себя определяет. Мыслить, считает Гегель, это двигаться в сущности предмета так, как если бы он сам двигался внутри себя; мыслить – это не рассказывать самому про нечто, а предоставить этому «нечто» возможность *рассказать о себе, о своей истине* – мною, сквозь меня. Ф.Т. Михайлов пишет: «...я против вербальных определений культуры. Культуру определяет само начало человеческого типа жизни на Земле – *начало истории человечества*, рефлексивно осознанное и как постулат *фундаментальной теории культуры*»¹⁷ [7, с. 6].

При каких условиях, когда – тот или иной феномен предстает именно как феномен **культуры**, а не просто как полезная вещь? – Когда он *обращён ко мне*, когда сквозь него *проступают обращения* иных субъектов в поисках со-чувствия, со-мыслия, со-действия, когда он становится *способом моего собственного обращения* к самому себе и одновременно положен как форма моего (всегда так или иначе креативного) *обращения к субъективности других*.

Дух *культивирует* человеческое в человеке, питает человека собой (вос-питывает). Культура – *одухотворяет* человека. Посему речь стоит вести не столько о духовной культуре, сколько о *духовности культуры* и, в свою очередь, о *культуре духовного*.

Поэт Максимилиан Волошин всё это знает, понимает, видит. Так и умеет жить: «*Весь трепет жизни всех веков и рас Живет в тебе. Всегда. Теперь. Сейчас*»¹⁸ [6, с. 82]. Живо и остро чувствовать это – значить присутствовать в собственно *духовном* состоянии. Опыт «всех веков и рас», опыт всей вселенной **уже дан** каждому «я» – но как? – А вот именно *в качестве этого «я»*. Как говорит К.А. Свасьян, мир, который спит в камне, просыпается в звере, – *осознает себя во мне*, в моем сознании. Тот же самый мир, бытие

¹⁶ Там же. С. 268.

¹⁷ Там же. С. 6.

¹⁸ Волошин Максимилиан. Собрание починений. Т. 2. Сочинения и поэмы 1891-1931 / под. ред. В.П. Купченко и А.В. Лаврова. М.: Эллис Лак 2000, 2004. С. 82.

как таковое – сознаёт себя во мне, мною. Вот почему история философии показывает нам наше становление, а не становление «чужих нам вещей». Но вот дано ли это «я» самому себе как *сознание мира*? Таким образом, различие культуры и цивилизации предельно значимо именно в философско-образовательном ракурсе. Традиционный (отчужденный, овещнённый) педагогический процесс предельно нечувствителен к подобному различению (равно как и к различению рассудка и разума, морали и нравственности), культура в нём вытеснена на периферию, а все внимание сосредоточено на цивилизационной стороне дела – педагогические (обязательно передовые, инновационные) «технологии», обогащение и изощрение инструментария и форм контроля. *Сила вещей* подавляет *живую связь людей*. Нормальный же образовательный процесс (т.е. соответствующий своему понятию) отдаёт предпочтение *культуре*, которая должна становиться «третьим субъектом» учения и воспитания, *подлинным субъектом*. Если культура – *порождающее основание*, то именно она и должна учить и воспитывать, *порождать и бережно хранить, оберегать человеческое* в индивидах.

Повторяю: если содержание образования (культура) – всего лишь *материал* для усвоения, всего лишь *объект* для использования, потребления, оснащения, вооружения, – дети будут искалечены (то есть – *развиты*, но односторонне, ущербно, *частично*, уродливо), в том числе и при помощи информационных технологий. Когда же *активирована субъектность культуры* – совсем другое дело.

Ведь вот что способен сделать *настоящий* учитель: **так** провести свой урок, чтобы после него ученик не ринулся с целью релаксации пить пиво с друзьями, а непременно пошёл бы в библиотеку, или же – припал к компьютеру чтобы «сходить в Лувр», «в Эрмитаж» и т.п., с целью *дочитать, досмотреть, до-услышать, до-мыслить, до-пережить то, что началось* на уроке и непременно должно быть продолжено – не потому, что «училка требует», а потому, что без этого *жить и дышать* неинтересно и даже как-то и *невозможно*. – Слабо нам *такие* уроки проводить, *такие* лекции читать?.. Чтобы наши ученики подсели на российский канал «Культура» в Интернете, а не на игры, чтобы их тянуло в Коктебель, к Максусу, в Дом Волошина, а не в Анталию... Очевидно, – слабо.

Способно ли нынешнее образование *культивировать человеческое* в человеках и быть озабоченным *всецело именно этим*, а не различными *условиями* («цивилизацией») процесса? Вопрос, по-видимому, риторический.